

Геннадий МАКСИМОВИЧ

ЕСЛИ ОН ВЕРНЕТСЯ...

Фантастический рассказ

1

Михаил Петрухин очень удивился, узнав, что его срочно вызывает знаменитый Василий Гарбузов. Зачем мог понадобиться молодой генетик вице-президенту Всемирной академии наук?

И вот Михаил неожиданно оказался в месте, где до этого не бывал ни разу: на усеянной полевыми цветами лужайке, возле приземистого старинного здания. Все это было удивительным и загадочным.

— Им здесь действительно спокойно, — услышал Михаил голос Гарбузова и, оглянувшись, увидел, что вице-президент, сорвав ромашку, вставляет ее в нагрудный карман.

— Кому? — Михаил посмотрел вокруг.

— Тем, к кому направляемся. Идемте же.

По еле заметной тропинке они подошли к зданию, толкнули стеклянную дверь. В холле за столом сидела миловидная девушка. Она глядела на небольшой экран, расположенный справа от стола.

— Ну, Люда, как тут у вас? — спросил Василий Григорьевич, положив ей на плечо свою огромную руку.

— Скучновато, — улыбнулась девушка.

— Поговорили бы с кем-нибудь из знаменитостей, — сказал вице-президент, — люди интересные.

— Я уже говорила, — ответила девушка, опять улыбнувшись, — но они народ занятый. Смирнов формулы выводит, Джонсон уточняет орбиты каких-то далеких планет, Пежен по-

Печатается с сокращениями.

чему-то на стихи перешел. Может быть, весна?.. И все про луну, про маленькое тихое озеро, лодочку на воде. И зачем ему это? Басилавшили — собеседник интересный. В любви объясняется...

— Вот видите...

— Недавно один из них, кажется Шахов, мой портрет рисовал, да вроде бы не очень похоже.

— Где у вас космонавты? — спросил Гарбузов.

— На втором этаже.

Вице-президент направился к подъемнику. Пройдя за ним несколько шагов, Петрухин обернулся, приветливо помахал девушке рукой.

— Василий Григорьевич, — обратился Михаил к Гарбузову, когда они поднялись на второй этаж. — Я, кажется, понял, где мы. Это хранилище вторых «Я»?

— Можно сказать и так.

— Здесь мой прадед?

— Вы угадали, молодой человек...

— А почему... — он замялся, — почему об этом хранилище мало кто знает?

— Первое время все знали, — сказал вице-президент, остановившись. — Но вы представить себе не можете, сколько здесь происходило трагедий. Вернее, не здесь, а в другом здании. Это построено лет триста назад. И компьютеры давно заменены. Те, первые, поизносились, устарели...

— А заключенные в них вторые «Я»? — спросил Михаил.

— Неужели вы могли подумать, будто компьютеры отменно действовали все пять веков? Блоки работают постоянно. Нет, наверное, ни одной области применения электронно-вычислительных машин, где бы они были загружены так плотно. Понимаете ли, второе «Я» ученого или художника, перейдя в компьютерную оболочку, понимает, что наконец-то может воплотить все то, к чему стремилось раньше. И оно поглощает необъятное количество информации. А если еще прибавить возможность параллельного мышления...

Но, конечно же, не это послужило причиной того, что о хранилище стали умалчивать. Вы только представьте себе на минуту: у вас умирает отец или брат и перед смертью передает свой интеллект машине. Проходит какое-то время, вы опрашиваетесь от горя и решаете побеседовать с ним, вернее с его вторым «Я». Вы подходите к компьютеру, и он как живой окликает вас, спрашивает, как идут дела, что нового дома... Нет, не всякий человек способен выдержать такое. Родным и близким запретили посещать эти компьютеры. И страсти улеглись сами собой.

— Почему же сама идея заглохла? — спросил Михаил, оглянувшись. — Запрет есть запрет, но сохранение мощных интеллектов — вещь все-таки нужная.

— Нельзя сказать, чтобы она заглохла сразу. Родилась эта идея в конце двадцатого века. А когда изобретение психослема позволило перевести интеллект человека в компьютер, начались бесконечные споры о том, насколько это допустимо с моральной точки зрения и кем считать такой компьютер с человеческим сознанием — бездушной машиной или же че-

ловеком в непривычно для всех состоянии. Споры длились долго и в конце концов привели к отказу от «электронного бессмертия», как аморального. Ведь второе «Я» перерабатывает информацию и чувствует совсем как живой человек. Но оно знает, что оно не человек и страдает от этого. К тому же человеческий интеллект, порожденный, как известно, трудом, не мог долго существовать неизменным вне человеческого тела. Одной информации недостаточно. Заложенный в компьютер интеллект со временем перерождается не в лучшую сторону.

Как оказалось, компьютеризированное второе «Я» человека выдавало интересные результаты только первые сто—сто двадцать лет. Потом или начинало ошибаться, или же бросало свое непосредственное занятие и переключалось на те увлечения, как тогда говорили, хобби, на которые раньше у него просто не хватало времени. Так, математики, например, начинали писать стихи, а писатели вдруг превращались, пускай и в средних, но изобретателей...

— Но ведь, наверное, можно было бы ввести это самое второе «Я» в оболочку совершенного робота. Оно бы и передвигаться могло, как человек, а с помощью искусственных рецепторов и ощущать все, почти как живое существо. Разве не так? — спросил Михаил, внутренне удивившись, как до этого не дошли раньше.

— Все это, может быть, и так, — улыбнулся Гарбузов, — но вы, Михаил, совершенно забыли: передавать второе «Я» начали тогда, когда еще не существовало столь совершенных роботов, о которых вы говорите. Ну а переносить это второе «Я» из одного электронного мозга в другой, заключенный в оболочку робота... Кто мог гарантировать, что при этом не возникнут какие-то ошибки? Да и не в каждого робота можно вместить необходимый для этого компьютер. Эти-то причины и свели на нет передачу компьютеру человеческого второго «Я». Исключение было сделано только для космонавтов. И вот почему: за время их полета на Земле меняются поколения, появляются новые обычаи, привычки, правила. Далеко вперед уходит наука. Конечно, на Земле космонавта-пришельца из далекого прошлого встречают как героя. Но легко ли привыкнуть ко всему окружающему? Чтобы возвращение не стало для него трагедией, и сочли необходимым разрешить космонавтам оставлять свое второе «Я» на Земле. Оно живет в недрах компьютера полнокровной интеллектуальной жизнью, постоянно получая извне всю необходимую информацию и прекрасно зная, что рано или поздно обязательно встретится со своим настоящим «Я». Такой компьютер не накапливает всю информацию без разбора, а выбирает только ту, которая интересовала бы самого космонавта. Когда же космонавт возвращается, ему с помощью того же психошлема вводят все отобранное для него вторым интеллектom. Это помогает человеку быстрее разобратся в новой для него жизни...

А сейчас давайте пойдем к вашему прадеду, — сказал Гарбузов.

Они вошли в просторный зал. У стен рядами стояли небольшие металлические шкафы компьютеров. В зале царила тишина. «Вот уж поистине кладбищенская», — мелькнуло в голове

у Петрухина. Гарбузов взглянул на список, висевший у двери, и направился в дальний угол. Остановившись у одного, ничем не отличавшегося от других металлического ящика, вице-президент сказал:

— Вот это и есть ваш пращур.

Гарбузов нажал кнопку, на пульте компьютера загорелась лампочка, и спокойный голос произнес:

— Здравствуйте, я вас слушаю.

— Только не подумайте, что это голос вашего деда. Они все тут примерно одинаково говорят, — шепнул Гарбузов.

— Здравствуй, дедушка, — сказал Михаил и запнулся. Он не знал, о чем говорить дальше.

— Если ты в этом уверен, то здравствуй, внук! Точнее прапра-правнук. Как тебя зовут, чем ты занимаешься?

— Зовут меня Михаил. Я биолог.

— Михаил, Миша, — как-то нараспев произнес компьютер. — Биолог — это тоже хорошо. Я когда-то занимался биологией. Но потом космос увлек меня. Позже я вспомнил о своем былом увлечении. Ведь времени-то у меня стало больше. Если бы не космос, я бы обязательно стал биологом, а точнее — генетиком. Недавно познакомился с одной статьей. И понял, что потстал. В некоторых вопросах мне трудно было разобраться... Дда, Миша, как твоя фамилия?

— Как и твоя — Петрухин.

— «Наследственные структуры после тройного межвидового скрещивания с применением генетической инженерии». Твоя статья?

— Моя.

— Молодец, башковитый парень. Рад за тебя. А чего ты пришел-то ко мне?

Михаил вспомнил, как утром примчался по срочному вызову к вице-президенту. То, о чем напомнил ему Гарбузов, Петрухин хорошо знал. В начале XXI века астрономы зарегистрировали ясные сигналы, исходящие из района звезды Проксима Центавра. Искусственная природа сигналов ни у кого не вызывала сомнений, но расшифровать их не удавалось.

Тогда и было решено отправить к Проксиме Центавра экспедицию. Для полета построили мощный по тем временам корабль «Мир-1». Команду после длительного отбора составили двое — командир корабля Иван Петрухин и ученый Гарри Холдер.

Вскоре после старта космонавты перешли в состояние анабиоза. За полетом следили роботы и автоматы. Они же должны были «разбудить» команду при подлете к цели или в случае крайней необходимости. Но через два с лишним года пришло сообщение, что корабль попал в облако мельчайших метеоритов. С того момента связь с экспедицией была потеряна. Но вот недавно автоматические телескопы обнаружили объект, летящий к Земле со стороны Проксимы Центавра. Высланные навстречу ему патрульные корабли увидели довольно древнюю ракету.

Вначале это никого не удивило. Поврежденных и брошенных ракет блуждает в космосе немало. Но ракета ответила на радиозапрос, тогда-то и узнали, что это «Мир-1» и что на бор-

ту находится только один космонавт — Иван Петрухин. О другом члене экспедиции пока ничего не было известно...

Так, за один день Михаил узнал сразу две новости: его дед, Иван Петрухин, возвращается, и у него есть второе «Я»...

— Иван Алексеевич, — вдруг сказал Гарбузов, обращаясь к металлическому ящику. — Вы еще встретитесь. А сейчас, извините, нам пора идти...

— Жаль, жаль... Очень жаль...

Михаилу показалось, что голос этого железного ящика слегка дрогнул.

— Очень жаль, — повторил электронный пращур. — Знаешь, Миша, как тоскливо в одиночестве... Те, что стоят в этом зале, — ребята хорошие. Но мы все уж переговорили. А родные забыли нас. Когда-то Людмила приходила, моя жена, и Саша, сын. А потом...

Михаил вздрогнул. Из недр металлического ящика явственно прозвучал вздох, тяжелый, мучительный человеческий вздох.

— Потом все забылось... Понимаешь ли, постепенно я стал приходить к выводу, что одному лучше. Я должен мыслить, думать, поглощать информацию и опять думать. Всякие там переживания отвлекают... А что там у тебя? — вдруг спросил он. — Расскажи, как там наши, Петрухины? Расскажи коротенько и пойдешь. Ладно?

Михаил вдруг почувствовал жалость к этому серо-серебристому ящику с клавишами и кнопками, с экраном и зрительным устройством. Все-таки, как ни верти, а это и есть его пращур. Пускай с огромным количеством оговорок, но это дед, со многими «пра». Дед, который забыл все радости жизни и не жалеет о них. Дед, превратившийся из мыслящей личности в мыслящую машину. Хоть и не потерявшую способность вздыхать.

— Да ничего, у меня все хорошо, — замылся Михаил. — Обо всех-то я и не знаю. Про тебя вот, что ты здесь находишься, узнал только сегодня.

— А как узнал, в связи с чем? — любопытствовал компьютер.

— Да так, совершенно случайно, — соврал Михаил, подумав, что не надо расстраивать этого электронного деда сообщением, что существовать ему, вполне возможно, осталось немного. — Узнал, что ты здесь, вот и заглянул.

— Это хорошо, что заглянул, — опять вздохнул ящик. — Информация по каналам связи, конечно, хорошо, но хочется и просто поболтать. Слушай, а ты женат?

— Все, знаешь, некогда.

— Правильно, Миша. Ни к чему это. Лишние переживания только мешают работе. Разве можно думать о чем-то важном, когда мозг занят другим? Ни к чему, я по себе знаю. Настоящий человек должен отрешиться от всего. Хотя не всегда это удается. Я вот, например, долго боролся с собой, изживал ненужные чувства.

— Это когда? Тогда, раньше?

— Какая разница. Главное — все это не нужно.

— Мы поговорим об этом в другой раз, — уклонился Ми-

хаил от обсуждения вопроса, в котором еще и сам не разобрался. — Я пойду, в!..

— Слушай, у меня к тебе просьба. Там, на первом этаже, должна девушка сидеть...

— Людой зовут? Симпатичная такая?

— Передай ей привет. А то она к нам в последнее время редко заходит. Все больше на другие этажи поднимется...

— Хорошо. Я пойду, — сказал Михаил.

Он непроизвольно дотронулся до полированной поверхности ящика и пошел к выходу. Увидев в холле Гарбузова, сидевшего в кресле, Михаил устало сел напротив и закрыл глаза.

2

Некоторое время они сидели молча. Михаил не мог прийти в себя от этой встречи. Было слишком тяжело. Там, в зале, он остро ощутил какие-то родственные связи, соединявшие его с этим ящиком. Но сейчас начинал понимать, насколько глупо было все, о чем он думал там. Ведь компьютер — всего лишь хранилище второго «Я» его деда Ивана Петрухина.

«Но ведь он же переживал, вздыхал, черт возьми, — подумал Михаил. — Значит, ему тяжело?»

— Я вас понимаю, — сочувственно покачав головой, сказал Гарбузов, — поэтому сразу и ушел оттуда. Мне и то было не по себе. А уж, представляю, каково вам.

— Скажите, а они, действительно, тоскуют?

— А вы как думаете? Ведь они с самого начала наделялись эмоциями своих «прародителей». Конечно, основное для этих электронных существ — информация. Но им необходимо и простое непосредственное общение. Здесь налажена система связи между всеми залами и этажами. Однако и такой огромный «коллектив» может надоесть. Лучше всего, конечно, общение с людьми. Хотя оно и берedit их электронную душу. Со временем-то человеческие чувства, эмоции приглушаются, но встречи с живыми людьми напоминают о них...

— Наверное, все они уже ходячие, а вернее, стоячие энциклопедии?

— Конечно, энциклопедии, — согласился Гарбузов. — Но им самим от этого не легче. Они переваривают почти всю информацию, проходящую по системам связи, и по знаниям с ними не может сравниться ни один нормальный человек. И все же они не могут не чувствовать себя ущербными.

— Василий Григорьевич, — спросил Михаил, — вы вот говорили, что компьютеры теряют со временем былые, человеческие, интересы. Как же понимать идею интеллектуального бессмертия? Ведь интеллект должен приносить пользу.

— Они приносят пользу, — Гарбузов провел рукой по своим пышным седым волосам. — От общей системы связи их отключать не стали. — Зачем мучить и без того несчастные электронные «создания»? На выходе же канала связи поставили специальный мощный компьютер, регистрирующий и сортирующий все внесенные ими предложения, изобретения, открытия, все, выходящее из этого здания. И нередко мы получаем ин-

тересные результаты. Но каково им — полумашинам-полулюдям?! Когда космонавты возвращаются, второе «Я» объединяется с первым. А если не возвращаются?.. Ладно, хватит об этом, — закончил Гарбузов, вставая. — Сейчас поедем ко мне в академию и там продолжим разговор.

Спустившись на первый этаж, Михаил подошел к дежурной.

— Все в порядке? — спросила девушка.

— В общем и целом, Люда, — в тон ей ответил Петрухин, вглядываясь в синюю глубину ее глаз.

Девушка слегка покраснела и отвела взор.

— Вы будете заходить или одного раза достаточно?

— У меня здесь еще много дел. Но если бы их и не было, я все равно пришел бы.

Михаил хотел сказать еще что-то, но Гарбузов поторопил его.

Выйдя на лужайку перед зданием, Петрухин обернулся. Прежняя красота и нетронутость, которые так понравились ему вначале, пропали. Теперь здание, скрытое от посторонних глаз высокими деревьями, напоминало ему скорее многоэтажное кладбище. Кладбище, где, как в старых сказках, покойники выходят из могил и разговаривают с тобой. Кладбище, на котором, в отличие от обычного, кипят страсти, зреют неразделенные чувства, живут страдания, где спорят между собой тени некогда живших на Земле людей. Кладбище, обитатели которого еще приносят пользу...

И вот они сидят в кабинете Гарбузова в мягких кожаных креслах цвета слоновой кости. Василий Григорьевич заказал кофе, и через минуту в небольшой нише в стене появились кофейник и две чашечки.

— Скажите, Михаил, а вас не удивляет тот факт, что вами занимаюсь именно я? — спросил вице-президент, не спеша потягивая кофе.

— Вам виднее, — уклончиво ответил Петрухин.

Гарбузов поставил чашку на стол:

— После того, как «Мир-1» был обнаружен, мы долго думали, что с ним делать. Вчера принято окончательное решение: поскольку контрольная система корабля сообщила, что большинство бортовых систем работает удовлетворительно, мы его пока трогать не стали. Единственное, что сделали, — это пополнили его энергоресурсы. Думаю, что все обойдется хорошо. Но нас беспокоит предстоящая встреча Петрухина с его вторым «Я». Понимаете?..

— Не очень, — сказал Михаил.

— Но ведь это второе «Я» все время думало, что оно одно... единственное... Какие-то изменения, так сказать, в психике компьютера наверняка произошли...

— А может, не соединять их... человека и машину?

— Но что станет с Петрухиным в чужом для него мире? Специалисты утверждают: ассимилироваться полностью он не сможет. Кем он будет? Человеком под стеклянным колпаком? Живым экспонатом Музея космонавтики?

— Единственный несчастный на планете... Я все-таки не могу понять, что может случиться непредвиденного, если мой пращур встретится со своим вторым «Я»? Ведь его и оставляли здесь для встречи.

— Мнения специалистов расходятся. Представьте себе: в сосуд, рассчитанный на пять литров воды, мы попытаемся влить двадцать пять. Лишняя вода просто вытечет? А если мы не будем давать ей вытекать, то сосуд просто разорвется. Компьютер не человек. За единицу времени он поглощает в сотни, тысячи раз больше информации. Что будет с человеком, когда на него обрушится вся эта лавина знаний?

— Но ведь мой пращур не первый человек, который, улетающая в космос, оставил на Земле свое второе «Я»?

— Еще никто не отсутствовал так долго, — спокойно ответил Гарбузов, — предельный срок, который был до этого — сто с небольшим лет. У такого человека даже без встречи со своим вторым «Я» было гораздо больше шансов ассимилироваться в новом для него мире, чем у вашего деда. Пять веков... слишком большой срок...

— И вы считаете, что ему опасно надевать на голову психослешем?

Гарбузов не ответил. Он подошел к окну и стал разглядывать раскинувшийся внизу парк с таким вниманием, будто видел его впервые.

— Скажите, — спросил он, не оборачиваясь, — не интересовался ли электронный дед, как вы узнали о его существовании?

— Интересовался.

— И что вы ответили?

— Сказал, что узнал случайно.

— И обещали заходить еще?

— Да, обещал.

— Ну что же... что же... — задумчиво сказал вице-президент, садясь в кресло. — Человеческий мозг может вмещать в тысячу раз больше информации. Суть в том — какая это информация. Если бы стереть лишнее... Но мы не имеем права этого делать. Представьте, вам в руки дали книгу, и вы наугад вырвали сотню-другую страниц. Чтобы ваш прадед, не подвергаясь опасности, мог получить логически связанную информацию, его второе «Я» само должно заняться сокращениями. А вот согласится ли оно расстаться со своей электронной оболочкой, добровольно пожертвовав при этом не только своим бессмертием, но и частью наверняка дорогой для него информации? Об этом можно только гадать. Мы не знаем, захочет ли лев, выросший в зоопарке, выйти из клетки для того, чтобы умереть в незнакомой для него саванне. Вот тут вы и должны помочь.

— Я?... — удивился Михаил.

— Вы должны уговорить второе «Я» вашего Ивана Петрухина на такой шаг. Ведь вы все-таки родственник.

— А если он не согласится? Мне показалось, что этот серосеребристый ящик — довольно большой эгоист.

— Пробуйте. Другого выхода нет. Если... если вы все-таки уговорите его... снимите пломбу с голубого рычага и поверните его на 180 градусов. Так вы отключите устройство, запрещающее компьютеру самому стирать свою память. Устройство ввели, когда несколько компьютеров, которым по тем или иным причинам надоело «жить», взяли да и стерли все. Полностью

уничтожили вложенное в них сознание. Вы понимаете?.. Не доводите вашего электронного пращура до того, чтобы он, обманув вас, стер совершенно все. Это было бы трагедией...

— Постараюсь, — пообещал Михаил.

3

Ночью он долго не мог уснуть, чего раньше с ним никогда не случалось. Ворочался с боку на бок, несколько раз вставал и ходил по комнате. Но ничто не помогало. Вчерашнее не довало забыть. Наконец он не выдержал и включил электрон. Но все равно спал плохо. Снились кошмары: то компьютер пытался задушить его невесть откуда взявшимися щупальцами, то перед ним раскалывалась на части чья-то голова, то он видел вылезшего из допотопной ракеты старика с огромной, спутанной седой бородой, который зачем-то гнался за убегающим Михаилом.

Петрухин проснулся с тяжелой головой.

«С чего начинать разговор с этим электронным прадедом? — подумал он, вставая. — С самого главного? Но не испортит ли все дело? Похоже, и впрямь этот серо-серебристый ящик стал отъявленным эгоистом. Уверовал в свои меры ценностей. Мыслящему человеку, видите ли, следует отрешиться от всего, самоуглубиться, сосредоточиться, он не может ни влюбиться, ни жениться.

И похоже, не очень-то он переживает за Ивана Петрухина. Ведь считалось, что тот давно погиб. Возможно, именно поэтому и развился в нем эгоизм. Я не удивлюсь, если этот ящик возомнит себя «сверхчеловеком» или чем-то в этом роде. Он в полной мере пережил, перечувствовал свою смерть. Так сказать, слышал музыку на своих похоронах...»

Когда Михаил подошел к знакомому зданию, на душе у него было мутно. Людмила сидела на своем месте, как и сутки назад, смотрела на экран. Услышав шаги, она подняла голову и, узнав Михаила, улыбнулась.

— Вы, действительно, решили приходить к нам каждый день?

— Я обещал бывать здесь даже, когда все мои дела на втором этаже закончатся.

— Это почему же? — смеясь, спросила девушка.

— А вы подумайте, пока я хожу.

— Ладно, — ответила Люда, краснея. — А вы знаете, ваш компьютер перенесли в отдельную комнату. Чтобы вам легче было общаться с ним.

— Где он сейчас?

— Там же, в конце коридора.

Михаил прошел на второй этаж и, так и не решив, с чего начать разговор, открыл дверь, ведущую в сравнительно небольшую комнату. Знакомый компьютер был там.

— Так скоро? — сразу же сказал серо-серебристый ящик.

— Да вот...

— Ты расстроен?

— Тебе показалось, — сказал Михаил, все еще не зная, как начать тяжелый разговор.

— Какое-нибудь дело ко мне?
— Особого дела нет, — соврал Михаил, растерявшись.
— Тогда поболтаем? Я очень...
— Знаешь, — вдруг решился Михаил, — я тебя обманул вчера, сказав, будто узнал о тебе случайно. Не случайно. Мне специально сказали. Тот человек, что был вчера со мной. Да и сейчас я пришел к тебе по важному делу...
— Вот видишь, а говоришь, не расстроен. Я сразу заметил!
— Постой, а ты помнишь, когда стал... вот таким?..
— Я все помню. Иван Петрухин улетел к Проксиму Центавра.

А я остался тут.

— А ты не думал, что тот, другой «Я», вернется?

— Вернется?.. Он погиб. Корабль попал в метеоритное облако. Мы с Гарри страшно переживали, когда узнали об этом. А почему ты спрашиваешь?

— Понимаешь ли, Иван Петрухин возвращается...

То ли смех, то ли кашель услышал Михаил.

— Настоящий Иван Петрухин... человек. Он жив, слышишь?!

А Гарри Холдер, судя по всему, погиб...

Компьютер молчал. Прошла одна, две, три минуты. Наконец Михаил не выдержал:

— Почему ты молчишь?

— То-то вы меня сюда перетащили... — печально и, как показалось Петрухину, почти с надрывом сказал серо-серебристый ящик. — А я все понять не мог... Просто ты хотел мне эту новость сообщить, когда мы вдвоем будем... Но я-то как же? Я-то как, Миша?

— Что «как»?

— Со мной-то что будет?

— С тобой? Соединишься со своим первым «Я», с Иваном Петрухиным, и станешь им. Вот и все. Что же здесь непонятного?

— А то... Он потом будет, а я — нет!

— Ты будешь им. Я же тебе говорю: вы будете одно и то же.

— Это для того, чтобы потом вместе умереть. Вас-то вон сколько поколений прошло, ты даже всех и упомянуть не можешь. А я все живой...

— И чего же в этом хорошего? Сам жалуешься, что тебе здесь все надоело, что тебе скучно, тоскливо без новых людей...

— Скучно, тоскливо... Это правда. Но так бывает лишь иногда. А если я еще больше загружу себя работой, то и на это времени не останется. Уж лучше жить так, чем умереть, стать НИЧЕМ. Нет, я не согласен!

— А я думал...

— Не согласен, и все тут!

— Я почему-то думал, что ты у меня добрый.

— При чем здесь добрый или злой? Я добрый. Что ж мне из-за этого лишаться всего, что я копил так долго? Еще и умирать. Из-за доброты? Нет, и не выдумывай... И оставим этот разговор.

— Ты просто выполнишь то, что и должен был сделать. Отдашь все знания тому, для кого они и предназначались.

— Все накопленное мною предназначалось для него лишь до того момента, как я узнал о его гибели. А потом все стало моим, и только моим... Целых пятьсот лет обо мне не вспоминали. А теперь приходит дальний родственничек и спрашивает: мол, не хочешь ли расстаться со своим бессмертием и умереть этак лет через полтора. Так вот, я заранее говорю: не хочу. Понимаешь, не хочу!

— Нет, ты не прав, — сказал Михаил. Поискав глазами стул, он придвинул его и сел рядом с компьютером.

— Что это ты решил посидеть? Думаешь, я буду долго разговаривать на эту тему? — проворчал металлический ящик, — и не надейся. Ничего у тебя не выйдет. Я буду жить сам по себе, а он пусть тоже живет как хочет. Я ему мешать не собираюсь.

— Как он будет жить без тебя? Он должен стать тобой, как и ты должен стать им. Иван Петрухин не сможет жить среди людей, не зная того, что знают они. Он будет для всех нас чужим, как и мы для него.

— Но почему он должен жить за мой счет?

— А сам-то ты появился за чей счет? Если бы не он, быть тебе обыкновенным компьютером.

— Тут ты, пожалуй, прав. Но это ни о чем не говорит.

— Почему же?

— Разве дети должны гибнуть, чтобы жили родители?

— Нет, конечно.

— Ну вот и мне тоже это кажется совершенно несправедливым. Он создал меня и улетел, а теперь ты хочешь, чтобы я создал его и погиб. Так дело не пойдет. Он проспал почти все это время, а я кропотливо трудился, совершенствуя свой, именно свой, а не его интеллект. Кто он такой? Да по современным масштабам уже никто! Только человек, совершивший в свое время подвиг. А я творческая, мыслящая личность! И не думаю, чтобы кто-то мог сравниться со мной по уровню знаний даже из живущих сейчас людей...

— Он улетел не на прогулку, — разозлился Михаил, — он оставил жену, которую очень любил, сына, родных, знакомых ему людей, привычный образ жизни. Он оставил все ради великой идеи, ради того, чтобы человечество знало больше. А ты считаешь, что все это можно отбросить, как мешающее тебе мыслить. Ты уже ничего не знаешь о чувствах, ты забыл о них...

— Нет, я знаю, знаю даже сейчас... — попытался было что-то сказать компьютер, но Михаил уже не слушал его, он не мог остановиться.

— Ты забыл, что такое чувство долга, ты потерял почти все человеческое и постепенно становишься просто машиной. Вот ты сказал, что Иван Петрухин проспал пятьсот лет, а ты работал. Но все обстоит как раз наоборот. Проспал все это время ты, хотя, может быть, и видел очень умные сны. А он трудился, добывал новые знания для человечества, носясь в далеких просторах Вселенной. Ты называешь себя творческой, интеллектуальной личностью, а на самом деле ты никто! Просто компьютер! Ты замкнулся в своем собственном маленьком мирке. А кому ты, в сущности, нужен, если живешь не для других?

Единственно порядочное, что мог бы сделать, так это выполнить свой долг — отдать все, что знаешь, Ивану Петрухину. Но ты отказываешься и от этого... А породивший тебя Иван Петрухин был совсем иным. Ты, например, знаешь, что где-то в просторах Вселенной существуют иняне. Знаешь — и все. А Иван отправился их искать, пожертвовав ради этого всем, что имел...

Михаил вытер пот со лба. Он был страшно зол на этот серо-серебристый ящик, к которому еще совсем недавно относился с такой симпатией. Некоторое время царило молчание. Михаил ждал, что же скажет ему этот сундук, набитый информацией.

— Да, выдал ты мне, — негромко произнес компьютер, вздохнув и зачем-то помигав лампочками, — быть может, ты и прав. Но не могу я сделать то, что ты требуешь. Не могу...

— Я же объяснил: это необходимо, — тихо сказал Михаил.

— Необходимо... Необходимо... А вот ты мог бы расстаться со всеми своими знаниями и с самой жизнью в подобной ситуации?

— У меня подобной ситуации не может быть, поэтому твой вопрос неправилен. Но если бы обстоятельства потребовали от меня самой большой жертвы во имя блага других, я пошел бы на нее.

— Вам, людям, проще. Вы смертные. А то, что конечно, может закончиться и раньше. Бесконечное же кончаться не должно.

— Это уж совершенные глупости...

— Может быть... может быть... Но ты уверен, что кто-то, даже мой далекий правнук, имеет право распоряжаться мною?

— Уверен.

— А я нет.

— Ладно, подумай об этом. Лучше я приду завтра.

— Но и ты подумай. Прощай!

Михаил кивнул и вышел. Люды на первом этаже не было, и это вполне устраивало Петрухина. Он очень устал от этого разговора и видеть ему никого не хотелось. Михаил решил пойти домой и попытаться как следует выспаться.

4

Но и в эту ночь ему не удалось уснуть. Оставшись наедине с самим собой, он вдруг потерял уверенность, подумал: а вдруг компьютер все-таки прав? Мало ли что искусственный. Но ведь разум. Предоставив ему возможность столь долго развешиваться самостоятельно, можно ли теперь заявлять о правах на него? Электроэнергия и довольно редкая замена старых частей на новые не в счет. Это делалось в знак уважения, как считалось, героически погибшему космонавту Петрухину.

Михаилу снилось, что его судят. Обвинителем был знакомый серо-серебристый ящик. А обвиняли его в покушении на убийство. Потом такие же точно ящики непонятным образом носились за Михаилом по зеленому лугу. В конце концов им удалось схватить его, натянуть на голову психолем, и Петрухин почувствовал себя совершенно опустошенным...

С тяжелой головой он пошел утром к электронному пращу-

ру. Люда сидела на своем месте и разговаривала с каким-то мужчиной лет сорока. Увидев Петрухина, она приветливо кивнула ему.

Михаил поднялся на второй этаж и вошел в комнату.

— Здравствуй, Миша, — произнес серо-серебристый ящик.

— Здравствуй! Ну, что скажешь?

— А ты? Все еще считаешь, что имеешь право заставить меня проделать все это?

— Думаю, что да, — не совсем уверенно ответил Михаил.

— Послушай, это все действительно необходимо? Без меня он на самом деле будет несчастным?

— А ты что думаешь? — с усталым раздражением спросил Михаил.

— Да всякое... Ты посиди здесь немного, а я еще подумаю.

Михаил взял стул, придвинул его к окну. Он долго смотрел на лужайку, усыпанную цветами, и незаметно для себя задремал. И приснилось ему, что это он и есть Иван Петрухин, знаменитый космонавт. Вот он входит в эту комнату, приближается к компьютеру и начинает его ломать. Тот что-то кричит, потом вырывается и бежит на откуда-то появившихся ногах в тот зал, где он стоял прежде, и там начинает прятаться за другие такие же ящики.

— Миша, а Миша, — услышал он голос и не сразу понял — во сне это или наяву. — Я, пожалуй... согласен. Если уж иначе нельзя...

— Вот и молодец! — вскочил Михаил. И снова сел. Надо было говорить и другое — о самосокращении информации. — Но... я тебе еще не все сказал.

— Так я и думал. Стоит согласиться на одно, как сразу же потребуется другое.

— Понимаешь ли, ты живешь слишком долго. Ты накопил столько информации, что ни один человек не способен переварить ее всю.

— Что же ты предлагаешь?

— Стереть лишнее...

— Что, что?!.

— Все лишнее необходимо стереть.

— Извини, но лишней информации у меня нет и быть не может. Неужели ты думаешь, будто я запоминаю все, что мне удастся узнать? Это далеко не так.

— Я имел в виду ту информацию, без которой ты можешь обойтись.

— Мне все нужно. Я ничего стирать не стану.

— Но твоя избыточная информация может принести вред человеку, твоему первому «Я».

— Коли я вас такой не устраиваю, нечего со мной и разговаривать.

Михаил хотел было разозлиться, но тут в голову пришла новая мысль.

— Поступим проще. Запроси по каналам связи данные о возможностях человеческого мозга и об объеме его памяти.

— Я так и сделаю. Подожди немного.

Михаилу не пришлось долго ждать. Вскоре компьютер заговорил вновь:

— Извини, Миша, оказывается, ты прав... Боюсь, на самом деле придется это сделать... Но что же я должен стереть?

— Кроме тебя, никто не определит, что можно стереть, не повредив основной логике твоего мышления.

— Как жаль, что ваш мозг обладает столь малыми возможностями. Придется стереть почти все.

— Далеко не все. Совершенно спокойно можно выкинуть только новости, полученные за первые триста-четырееста лет. Оставляй самое важное...

— Послушать тебя, так вообще ничего не останется.

— Почему же, многое останется. Потом, подумай о временных увлечениях. Ты проштудировал тысячи и тысячи книг на самые разные темы. А зачем Петрухину многообразие?

— Случалось. Например, читал все по проблемам освоения пустынь...

— Вот видишь. Человек лишнее забыл бы, а ведь ты все помнишь. Иван Петрухин, насколько я понимаю, был человеком увлекающимся, любопытным...

— А откуда ты знаешь?

— Я и сам увлекающийся. Ну слушай дальше. После всего этого у тебя остаются сведения, касающиеся лишь тем, связанных с твоей работой и твоими главными увлечениями. Просмотри и их. Например, командиру корабля совершенно не обязательно знать все тонкости устройства двигателей ракеты. В современных экипажах их проверкой или ремонтом занимаются роботы под руководством механиков. Командиру достаточно знать только основной принцип их работы. Кроме того, я совершенно не уверен, что за прошедшие века ты с таким же усердием не изучал все предшествующие схемы двигателей. А зачем это Ивану Петрухину?

— Но что же останется?

— Останется то, что нужно специалисту в двух, от силы в трех областях. Этого достаточно.

— Так говоришь в двух-трех?

— Не больше... Ну я, пожалуй, пойду. У меня сегодня много дел, да и у тебя теперь тоже.

Михаил встал и направился к двери. Но компьютер остановил его.

— Миша, а рычаг? Тот, что голубой...

Он вернулся к машине, снял пломбу и повернул рычажок.

— Смотри, не наделай глупостей.

— Я понимаю, о чем ты. Не беспокойся. И пожалуйста, не думай, что у меня на самом деле все чувства отмерли.

— Что ты имеешь в виду?

— Да так, ничего. Прощай! Не забывай, заходи хоть изредка.

Михаил вышел из комнаты и спустился на первый этаж. Девушка сидела на том же месте.

— Заходите еще. Буду рада вас видеть, — сказала она и покраснела.

«А что, может, действительно, зайти как-нибудь вечером, — подумал Михаил, остановившись на зеленой лужайке. — А то еще останусь вечным холостяком и начну потом доказывать, что только так и должен поступать настоящий мыслитель».

Он засмеялся и пошел не оглядываясь.

...Время летело быстро. Михаил целыми днями работал в своей лаборатории, так и не удосужившись ни увидеться с Людой, ни поговорить со своим пращуром. Однажды его вызвал к видеофону Гарбузов.

— Не забыли? — спросил он. — Завтра летим на космодром. Кстати, принято решение: полностью из анабиоза Ивана Петрухина будут выводить только при встрече со вторым «Я». И еще у меня к вам просьба. Зайдите сегодня к своему электронному родственнику. Он ни с кем разговаривать не хочет, а нам надо знать, все ли у него готово. Насколько я понял, с вами у него хорошие отношения, так что вам он скажет все.

— Ладно, в конце дня зайду.

— А завтра прошу ко мне. На космодром полетим вместе.

...Михаил пересекал знакомую лужайку со странным чувством. Как будто он шел прощаться с отходящим в мир иной близким человеком. На месте дежурного в этот раз сидел какой-то долговязый парень. Михаил поднялся на второй этаж, вошел в комнату, где стоял знакомый ящик. И сразу увидел букетик луговых цветов, стоявший на гладкой серо-серебристой поверхности компьютера. Он протянул к ним руку, но знакомый голос остановил его.

— Не надо! Это я попросил Люду принести цветы. Я ведь так давно их не видел... А ты пришел просто попрощаться?

— Да как сказать, — растерялся Михаил.

— Это хорошо, что пришел. Мне нужно с тобой поговорить. А то они тут пристали, понимаешь. Какое им дело, это касается только нас. Так вот, не беспокойся, я все сделал как надо. Он даже ни о чем не узнает и будет счастлив. То есть мы вместе с ним будем счастливы. Ты был прав, так будет лучше... Разговор этот я сотру, ты не волнуйся. И вот еще что: увидишь его, передай от меня привет, скажи, что я был неплохим парнем, трудился честно... Прощай!

Компьютер тяжело вздохнул, совсем как человек, и Михаил, погладив его блестящую поверхность, быстро вышел.

«Мир-1» приземлился удачно. Системы наведения сработали так точно, что огромная ракета всей своей громадой села прямо в центр взлетной площадки. Как ее вскрывали, Петрухин видел лишь издали: на площадку не пустили никого, даже Гарбузова.

С близкого расстояния Михаил увидел только контейнер с телом Ивана Петрухина. Ребята из службы спасения — атлеты в синих комбинезонах — зорко следили за тележкой на воздушной подушке, везущей контейнер к зданию космопорта.

Когда контейнер вынули из ракеты, уложили на тележку и повезли, Михаил обратил внимание на огромную фигуру старомодного робота, следившего за группой спасения. Его отгоняли, но он неотступно следовал за тележкой.

— Зря они стараются, — сказал Михаилу Гарбузов, — робот будет слушаться только Петрухина. Я имею в виду Ивана Петрухина. Вы представляете, что было бы, если бы этот досто-

рический монстр в два с лишним метра ростом пустил в ход свои кулачищи из легированной стали, а то и просто стал бы хвататься за оружие. Пять веков назад делали несколько глуповатых роботов, зато чертовски сильных — металла на них не жалели.

Гарбузов быстрым шагом направился к контейнеру и что-то сказал людям. Робот словно понял, кто здесь главный, отошел от контейнера, но все-таки продолжал следовать за ним.

— Насчет робота я распорядился, — сказал Гарбузов, вернувшись к Михаилу. — А он не так глуп, как я предполагал. Разобрал, о чем говорю, и стал вести себя спокойнее. А вообще-то я его понимаю. Ведь по правилам, которые существовали тогда, из состояния анабиоза космонавт должен был выходить только на борту корабля. Но Иван Петрухин, видимо, понимал, что всякое может случиться, и заранее предупредил своего охранника.

К зданию космопорта они прибыли как раз вовремя. У входа разыгралось целое сражение. По давно установленным для всех космопортов правилам, во избежание всяких неприятностей и неожиданностей роботам было запрещено входить в здание вместе с людьми. Они должны дожидаться своих хозяев в специальном помещении рядом с грузовым складом.

И вот сейчас роботы охраны пытались заставить стального гиганта выполнять это правило и не пропускали его в здание космопорта. Применять оружие роботы охраны не могли, так как кругом были люди. А врукопашную...

Из-за угла здания космопорта выскочило еще три охранника. Металлический монстр схватил уже поверженного наземь противника, замахнулся им, как палицей. Первый же удар повалил одного из прибежавших помощников. А когда поверженный попытался подняться, мощный пинок ногой отбил у него всякое желание делать это. Несмотря на инструкцию, второй из нападавших схватился было за оружие, но импровизированная палица уже обрушилась и на него. И тут случилось непредвиденное. Третий оставшийся белковый робот охраны, забыв обо всех введенных в него программах, струсил. Сначала он замахал руками на приближавшегося к нему разъяренного стального гиганта, а потом бросился бежать.

Все кругом стояли затаив дыхание. Было ясно: происходит нечто неположное, запрещенное всеми инструкциями. Но картина была настолько захватывающей, что вмешаться и прекратить бой никому не хотелось. Из здания космопорта выскочили еще пять роботов охраны. И тут вышел из оцепенения начальник космопорта, крикнул белковым охранникам, чтобы они остановились. Михаил обернулся и увидел: стальной монстр, как человек, ожидающий нападения, прижался спиной к стене, широко расставив ноги, и внимательно следил за удаляющимися охранниками.

— Силен! — восхищенно сказал Гарбузов. — Уверен, что ваш дед будет просить оставить ему робота. И хотя пользоваться служебными роботами в личных целях строгойше запрещено, я добыюсь, чтобы ему разрешили.

Они вошли в здание космопорта, сели передохнуть в мягкие

кресла. Неподалеку сидели трое космонавтов в стального цвета комбинезонах космического патруля.

— Не поверю, будто вы не понимаете, как все это глупо, — горячился молодой высокий парень. — Затратить пять веков только на то, чтобы пробыть на незнакомой планете всего несколько дней, да еще потерять при этом своего товарища. Зачем все это?

— Любопытство, милый друг, — возразил другой космонавт. — Нормальный человек обязан быть любопытным. Да ведь корабль и привез кое-что. Грузовые контейнеры полны, что-то там все-таки есть.

— Зря спорите, зря подсчитываете. В дальние экспедиции отправляются не только за знаниями да за богатствами. Без энтузиастов, подобных членам экипажа «Мир-1», не обойтись. Не будь в истории таких людей, человечество до сих пор толкалось бы в пределах Солнечной системы, несмотря на все достижения техники...

О чем дальше шел разговор, Михаил не слышал: подошел посыльный космопорта и позвал их.

В зале, где стоял контейнер со спящим Иваном Петрухиным, было полно людей. Подойдя к контейнеру, Михаил увидел, что его дальний родственник совершенно седой.

6

— Ну как, соскучились по своему пращуру? — спросил Гарбузов, когда Михаил поднялся на второй этаж знакомого ему здания. — Пошли. Сейчас Иван Петрухин начнет превращаться в современного человека, жителя Земли двадцать шестого века.

Они вошли в комнату, где рядом с серо-серебристым ящиком лежал в контейнере Иван Петрухин. В комнате было темно. Михаил взглянул на экран, висевший над головой. Вот он засветился, по нему забегали слабые блики, становившиеся все четче. Наконец Михаил увидел: по большому лугу бежал Иван Петрухин, неся на плече сына. Оба весело смеялись. Рядом бежала молодая женщина. Вот они все повалились на траву и стали рвать луговые цветы. Цветов набралась уже целая охапка. Петрухин схватил их и высыпал на голову смеющейся жены.

И тут все исчезло. По экрану забегали цветные блики.

Михаил силился вспомнить, где он совсем недавно видел такие же самые цветы и кого ему так сильно напоминала жена Петрухина. Ну... ну... И тут перед его глазами встал серо-серебристый ящик с букетиком таких же цветов на блестящей поверхности и дежурная Люда с первого этажа... Та самая Люда, которая так нравилась Михаилу...

— Пойдемте, — сказал Гарбузов. — Не будем подсматривать.

Они вышли в коридор.

— А знаете, мне все больше нравится этот стальной монстр, — сказал Гарбузов. — Сейчас он сидит в моем аэролете. Еле уговорил его не лезть в это здание. Не то чтобы я был особенно против, но ведь есть правило еще более строгое, чем

в космопортах: в вычислительные центры роботов пускать не разрешается. Только в самых крайних случаях, когда требуется их физическая сила, да и то при соответствующем контроле.

Они долго разговаривали о чем угодно, только не о том, что происходило в соседней комнате. Потом вышли на лужайку и вдруг увидели выходящего за ними следом Ивана Петрухина.

— Мне сказали, что тут меня ждут двое — вице-президент Академии и мой внук, — сказал он возбужденным голосом. — Ты и есть мой внук? Здравствуй!

— Здравствуй, дедушка!

Они обменялись рукопожатием, потом обнялись и расцеловались.

— Да, кстати, а где Люда? — неожиданно спросил Петрухин.

— Какая Люда? — не понял Гарбузов.

— Это он о дежурной, — догадался Михаил, — так она сегодня не работает.

— А почему она вас заинтересовала? — с любопытством спросил Гарбузов.

— Мне просто хотелось ей показаться в таком обличье, — сказал Петрухин и вдруг спросил доверительно: — Как вы думаете, я могу ей понравиться?

Все было ясно: компьютер, тот самый серо-серебристый ящик со вторым «я» космонавта, который был неравнодушен к девушке, передал это чувство Петрухину...

— Думаю, что можешь, — ответил Михаил. — Высокий, стройный, сильный, так сказать, герой дня да еще с сединой. Ты просто неотразим...

— А жить-то как хорошо, — воскликнул Петрухин, сладко потянувшись. И посмотрел себе под ноги. — Смотрите, цветы, такие же самые... как тогда... Как будто я и не улетал...

Он какое-то время молчал, разглядывая луг с таким видом, будто знакомился с растениями на другой планете. Потом тряхнул головой, как бы прогоняя какие-то мысли и спросил:

— Так что же мы будем делать?

— Вопрос довольно сложный, — ответил Гарбузов, — мы с вами видимся сейчас, так сказать, неофициально. Почести, чествование, поздравления — это будет завтра...

— А можно сегодня пойти куда-нибудь? Скажем, в ресторан? Они еще существуют?

— В ресторан? — удивился Гарбузов. — Что ж, этот пережиток прошлого еще существует. Совместный стол так располагает к разговору. А люди, как и пять веков назад, любят посидеть да поболтать.

— Конечно...

— Но в какой? Можно было бы и в наш, академический, но там вас вполне могут и узнать. Вообще-то могут узнать в любом, ведь посадка корабля и то, как вывозили и вскрывали контейнер, транслировались по всей Земле. Хотя там вы были в другой одежде. Так что можем рискнуть. Я даже знаю, куда мы двинемся. Есть один очень хороший ресторан в старом стиле. Ему, наверное, лет двести. И обслуживается он людьми, а не роботами. Ну так что?

— Только у меня к вам просьба, — сказал Петрухин. — Пригласите также и эту дежурную, Люду...

— Жизнелюб вы, однако, — засмеялся Гарбузов, — сразу быка за рога.

Через час они вышли из аэролета, опустившегося перед ярко освещенным зданием. В большом, но уютном зале было сумрачно и прохладно. Свет горел не очень ярко, музыки почти не было слышно. Они сели за столик, отделенный от остальных легкими полупрозрачными перегородками, и Гарбузов спросил Петрухина:

— Чему вы собираетесь посвятить свою дальнейшую жизнь? Космонавтике?

— Я над этим не думал, — ответил Петрухин. — Может, стать биологом?..

Михаил чуть не подпрыгнул от неожиданности. Биология, судя по утверждениям серо-серебристого ящичка, была его увлечением в последние годы.

— Что это с вами, Петрухин? — спросил Гарбузов. — Известный космонавт — и вдруг биология?

— Слишком долго я был вдали от родины. Хочется пожить земными заботами.

— Для этого обязательно становиться биологом?

— А ведь я любил биологию еще в детстве. Это потом космосом увлекся...

Он вдруг замолчал, увидев в дверях красивую девушку, встал и пошел ей навстречу. Это была Людмила...

Как бы далеко мы ни улетали, наши сердца остаются на Земле. Потому-то даже в самых неожиданных ситуациях фантастических произведений люди живут земными страстями и заботами. Не случайно, мне кажется, и то, что молодые писатели ищут фантастические сюжеты на Земле. Все впереди. В будущих рассказах и повестях они, возможно, улетят в космические дали. Но никогда не перестанут быть землянами.

Из опубликованных здесь рассказов обращает на себя внимание «Если он вернется...» Геннадия Максимовича. Во многих произведениях, где рассматривается проблема власти времени над человеком, возвращение космонавта из долгого путешествия — чаще всего трагедия. Ему, сделавшему все для людей, трудно жить среди потомков. Если космонавт погибает на неведомой планете — он герой. А если возвращается? Автор подсаживает: стать полноправным членом нового общества поможет его второе «Я», никогда не покидавшее Землю.

Оптимизм, уверенность в победе, поиски достойного выхода из самого безвыходного положения — вот что прежде всего отличает советскую фантастику.

В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
двукратно Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР